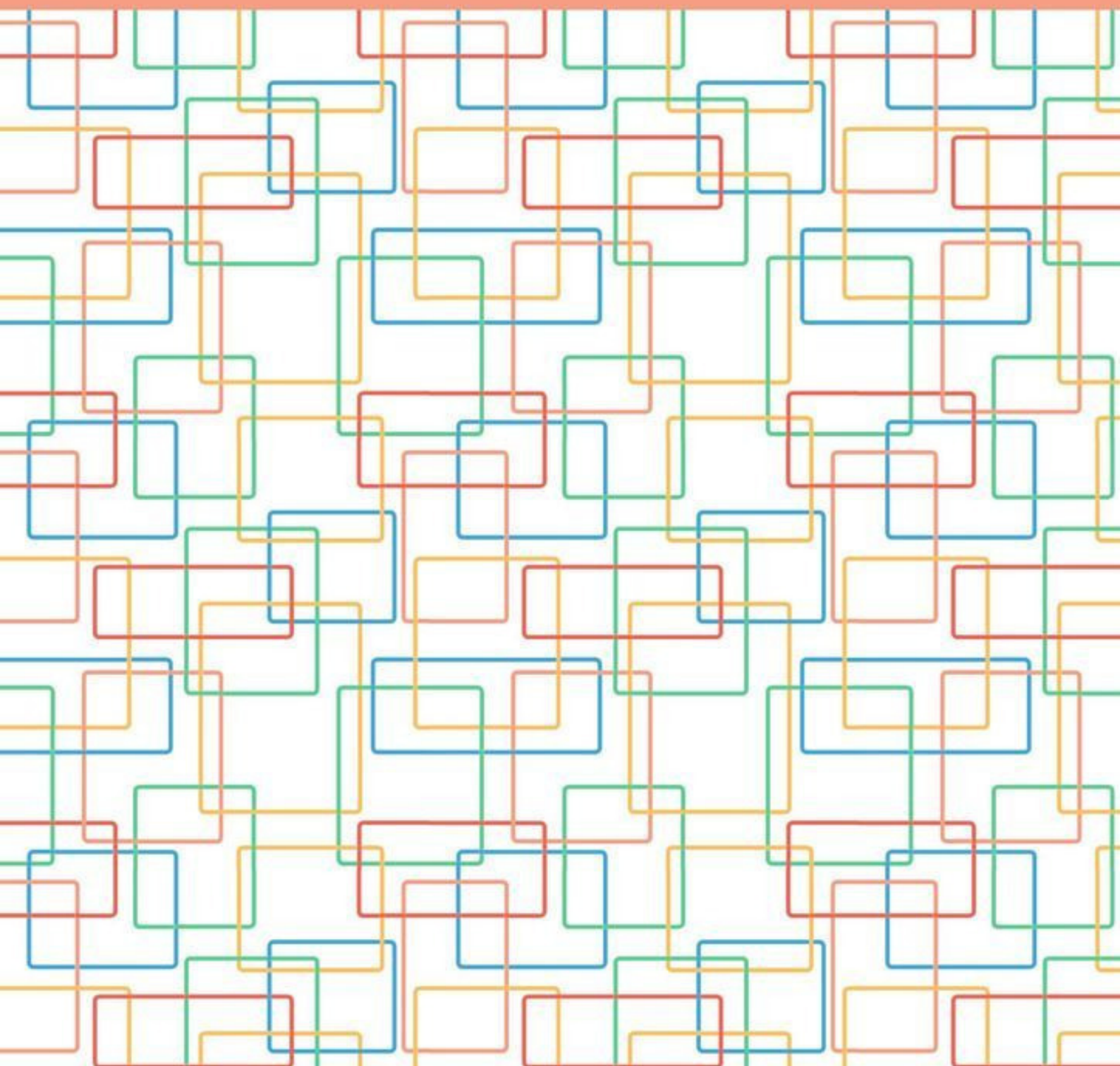

18+

Любовь Ржаная

Кому верить?

Рассказы и притчи

Любовь Ржаная

Кому верить? Рассказы и притчи

«Издательские решения»

Ржаная Л.

Кому верить? Рассказы и притчи / Л. Ржаная — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608071-3

Ироническая проза. Об уме и глупости, милосердии и скупости, удаче и невезении, о любви и ненависти, о силе слова и о цене молчания. Опубликована в книге «Точка бытия» в 2023 году.

ISBN 978-5-00-608071-3

© Ржаная Л.
© Издательские решения

Содержание

Ягодка земляника	6
Аленушка и Весна	10
Ледяные ножки	14
Экзамен	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кому верить? Рассказы и притчи Любовь Ржаная

© Любовь Ржаная, 2024

ISBN 978-5-0060-8071-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ягодка земляника

...Знойный июльский полдень. Ноги в тяжелых резиновых сапогах заплетаются, губы пересохли. В одной руке большое пластиковое ведерко, доверху наполненное грибами, в основном лисичками, – в другой руке палка самодельная, кривоватая, но легкая. Чтобы глубокую траву раздвинуть, если надо. Хотя от змей и заговор читаю: я в лес, все змеи на крест... Мама научила.

Выхожу по песчаной дорожке на прогалок между деревьев – впереди полянка солнечная, веселая, вся в разноцветьи душистом. Пчелы, осы, шмели, стрекозки так и порхают туда-сюда, в душном воздухе звон стоит. И у самой дорожки свесились, выглядывают из травы крупные красные ягодки. Земляника! Как не согнуться, как не обернуть? Сразу ягодки кладешь в рот, и закружится голова от сладкого запаха ее, нежного вкуса... А красива-то как!

Мама, мама! Ягодка моя, земляничинка лесная! Красива ты и в восемьдесят лет. Лицо как у девчухи, ясное, морщинки только у глаз... глаза карие, крупные, носик точеный маленький, но не острый и не картошкой, а в самый раз, аккуратный... губы уже не подкрашиваешь, они и так малиновые, ротик маленький, всегда с легкой улыбочкой... и взгляд – в самую твою суть, в глубину ума твоего и сердца, пронзительный и заботливый...

Мама! Прости меня за все! Как я буду прощаться с тобой? Отодвинь этот час, Господи. Но дай мне охоронить мою старушку, когда востребуется с меня отдать этот долг. И задумано вырастить у ее последнего обиталища красивые цветы... землянику тоже. Самая крупная – она там обычно и растет...

***

Эту старушку не очень-то приветили на новом месте. Приехала бабка худенькая, маленькая, старенькая, к старшему брату-вдовцу в гости, да и осталась жить у него, за ним ухаживать, да в лес похаживать. И за неделю все окрестности с корзиной да бидончиком оббежала. Войдет в лес на одном конце деревни – выйдет на другом. На утренней заре пойдет, на вечерней придет. Еле ножками перебирает, а тащит тяжелое – и ведро полнехонько, и бидон. А скоро и вообще с рюкзаком стала ходить. Рюкзак большой, за ним бабку со спины не видать: одни тонкие ножки в сапожках да беленький платочек на голове, палочка в руках.

Народ в деревне неласковый, всем ягод и грибов охота, у всех места свои запримечены. А приезжая бабка все разведала, да всю ягоду и утащила. Все молоденькие грибы – ее. Все обособирано! Совсем обнаглела – если придет раньше вечера из леса, через полчаса опять в лес бежит!

– Куда ей столько? Ишь, жадная!

– Говорит, внукам посылает.

– На рынке ее видели, сидит продает.

– В чем душа держится, а по лесу как лось бежит! Я за ней угнаться не могла! Добежала до болота и словно нырнула туда.

– Да она ведьма. Лесовичкой себя называет. Я ее боюсь.

– Точно, ведьма! Сам видел – как войдет в лес, с деревьями обнимается и разговаривает...

Спрашиваю, сидя у ее кровати:

– Как же ты домой дошла, с таким грузом?

Улыбается:

– Я не одна шла.

– А с кем?

– С Боженькой. Иконка всегда при мне, в карманчике на груди.

– Там же болота, ручьи, запруды бобровые, ямы и окопы, полные воды... не ходи туда, боюсь за тебя!

– Ты что! Это ты не пройдешь, а я-то маленькая, худенькая, потихонечку и перейду по жердочке через ручей. Там самая сила, сколько ягоды! Тут края заповедные, живи да греби ягоду, клюкву да чернику, ее – море!

– А комарье-то – жрет!

– Намазываюсь, хоть и плохо помогает. Ну да за ягодой и про комаров забудешь...

– В лесу народу много встречаешь?

– Попадаются. Кто и гребенкой гребет, давит чернику. Я это не люблю – пальчиками собираю, листики сразу обдуваю, мусор из ведерка убираю. Как помотришь, сколько у иных зелени среди ягод, аж смешно... У меня ягодка всегда чистая. Правда, все равно я ее перебираю, на скатерть старую рассыпаю, подсушиваться. А потом в холодильник, или варенье варю... Кто и увяжется в лесу за мной. Да я не люблю аукаться. Молодые, а сноровки нет. Я ведро наберу, они бидон, что ж мне, ждать? Одной лучше.

– А зверье? Там же кабаны, волки, медведи... змей полно!

– Что ты, дочка, летом никого не вижу. Змей вижу, но я с заговором в лес вхожу. Вот иду в прошлый раз, а поперек тропинки выползла и лежит – черная, длинная. Я остановилась в двух шагах и говорю ей: что ж ты, змейка, заговор мой не уважила? я ж тебя просила не показываться мне! уползай! Так она голову ко мне повернула – а глаза красные-красные у нее, поглядела и уползла в траву, к дереву поваленному прилепилась. Слушается меня. Иди, кушай ягодку. Не перебирай, а то подавишь. Сама встану, переберу.

Постепенно привык местный народ к лесовичке, признал ее за свою. И то сказать – десяток лет тут живет, сама добрей стала. Может и грибами поделиться, и ягодой угостить. Большой подруге своей принесла рюкзак клюквы – говорит, посвящаю этот день тебе, собираю для тебя, раз болеешь, а внукам послать нечего. Та ей деньги предлагать – не взяла. А в магазине-то экономна. Все дочке, внуку. Приезжают часто, проводывают. Ей – конфеты, им – ягода да грибы. Да небось и денежку дает, куда им со стариком такие деньжищи. Пенсии хорошие у обоих.

– Молодец бабуля. Я б на ней женился... будь она помоложе.

– Это ты стар для нее. В лес-то ленишься ходить. Зачем ты ей нужен, увалень.

– Вот старику повезло: сестру Бог послал, кормит его, обстирывает, и еще в лес успевает бегать. А раньше он бегал, грибы да орехи рюкзаками носил. Говорят, слег. Все равно, долгожители они. Нам бы так...

***

Этого старика в деревне сразу за своего признали, уважали. Он хоть из Питера, а дедов дом тут раньше стоял, и мальчонкой он все края облазил. Поэтому старик хорошо ориентировался в окрестностях и в здешнем лесу, сразу начал таскать корзины грибов, ведра ягод. Еще и жена пойдет с ним. Оба старые, а крепкие, молодежавые. Жадные до работы – ужас! Мало им квартиры (говорили, богатая сестра питерская купила), так еще дом поставили, огород развели, с парниками, сад какой с яблонями... Мастера на все руки. И подход к людям есть. Не успели пожить, а уже к Сидоровым в баньку бесплатно ходят.

– Как так? сколько платите?

– Нисколько. Мы там им электричество починили, а уговор сразу был, что будем мыться. Баньку-то деревянную с общественной каменной казармой не сравнить.

И идут парочкой, с вениками под мышкой, с пакетами для белья. Деловые!

Старик лесовичку сразу заметил. В лесу ее встречал. Бабка ходкая, ловкая, места все знает. Пару раз в лесу заговорили друг с другом – где что растет. Да ведь он не хуже ее все места знает...

– Не знаю я, где бы землянички побольше набрать! Сестра в Питере земляники просит... свезти бы ей... Богатая, денег отвалит. Говорит, позарез ей нужна лесная земляника. Не знаешь, лесовичка? а то подскажи...

– Не знаю... попадается то там, то здесь... но не столько много, чтобы в Питер везти. Вот брат мой...

– Что брат?

– Рассказывал, что раньше, когда ноги ходили, шел он на болото, да в сторону сворачивал, там в лесу заброшенное немецкое кладбище, а за ним – земляничники большие... оттуда он всегда ведерко ягод жене приносил.

– А где это? – оживился старик, – в какую сторону идти?

– Не знаю я! Брат мне запрещает и думать об этом месте! Туда пути километров шесть в одну сторону! не разрешал он мне одной туда ходить. А то кто меня там найдет? Он-то уж давно из дому не выходит, девятый десяток ему пошел...

– Вот бы расспросить его как следует! Нарисовал бы планчик!

На том и расстались, что она брата спрашивает. Брат ее сразу насторожился: ты не пойдешь, а зачем я чужаку буду свои заповедные секреты выдавать?

А старик-то не отстаёт, встретил вскоре лесовичку, да опять с просьбой: где это да где. Пригласила она его вечером к брату прийти да спрашивать самому. Старик вечером и пришёл.

Брат престарелый лесовичкин лежал и не вставал уже. Спрашивал старика о том-сем, подумал, да и говорит:

– Открою я тебе путь. На эти места земляничные объясню дорогу. Но обещаю, что пойдешь не один, а сестру мою поведешь. Вместе если пойдете, расскажу дорогу.

– Возьму конечно, Митрич, не сомневайся. Нарисуй план, как туда идти.

Дали деду лист бумаги и карандаш, и начертил он схему.

– Вот дорога до кладбища. Вот тут свернуть надо. Вот ориентиры. Тут осторожнее. А вот там, за соснами, и есть заветная поляна. Но смотри, не обмани, сестру возьмишь с собой.

– Обязательно! Спасибо!

И побежал старик домой, с планом в кармане.

Прошла неделя, а он не показывается. Лесовичку за земляничкой не зовет. Говорили люди, что вдвоем с женой куда-то в сторону болот каждое утро шагают. Идут да посмеиваются. А на днях в Питер поехали. Сообразили тогда старики, что обманул их чужак. Выведаль секрет, да с женой всю ягоду и обобрал... Эх, простофили мои, лесовики, как же вы оплошали! Обидно было думать об этом беспомощному деду, а сестре его лесовичке еще больше.

И вдруг встречает она питерского переселенца по дороге в магазин, идут вдвоем с супругой.

– Ну что, набрал землянички? что ж меня-то с собой не зовешь?

– Да что ты... какая там земляничка... пожалел я твои ноги, назавтра побежал в лес, в разведку, а там нету ничего... все заросло... пусто!

– И жена с тобой в разведку бегала три дня?

– Да мы совсем не туда ходили, – подала голос жена. И глазки отводит.

Пошла лесовичка мимо. Дома брату рассказала все. Попереживал он, а потом махнул рукой: может, и правду говорят, все заросло... он давно там не был.

***

– Мама, мама! Какие же вы простые!

– Ладно, дочка, всю ягоду не соберешь. Если Бог меня отвел, значит, не туда мне была дорога. Я без ягод не останусь. А пока жива – и вы тоже. Потом вряд ли найдете места, по которым я лазила.

– Мамочка, мамочка... живи долго! живи вечно, родная! Не болей! Может, пора перестать в лес-то ходить, ноги болят – стонешь, кричишь ночью, плачешь...

– С ума сошла? я ж без леса не могу! я и живу только за счет леса! Все болит, а как согнись за ягодкой или грибком, мне легче! Лежу на кочке черничной, обираю ягодку, а мне хорошо, как в детстве... родной лес вспоминаю, мамку свою, братьев...

– А что ты деревьям там говоришь, как в лес войдешь?

– Здороваюсь. Говорю, что люблю их, и березки свои, и елочки. Лес меня тоже любит. Вот дожить бы до нового лета... Там подосиновички красивые в одном месте всегда попадают, найти бы их! А опята! Опята знаю где хорошие! Клубнику нашла в поле... надо пожить бы...

– А старика того видишь?

– Как же, вижу. Говорит нынче летом: давай меняться, я тебе летних яблок сетку – ты мне антоновки осенью, у тебя крупная. Говорю, ладно. Принес, а меня дома не было, повесил сетку на ручку двери. Я смотреть – а яблоки гнилые, падалица. Я их и выкинула сразу на помойку.

– А антоновки все ж потом дала ему?

– Еще чего!

Вот тут я ей не верю.

Аленушка и Весна

Когда пришла пасмурная осень, отправили шестилетнюю Аленку к бабушке и дедушке в деревню, далеко от Москвы и привычной городской жизни. Бабушка, держа Аленку за руку, провожала к поезду невестку, несущую на руках младенца, спелёнутого в теплую клетчатую бабушкину шаль поверх тонкого одеяльца. Младенец спал и не плакал, а невестка все-таки смахивала слезы.

– Доченька, Леночка, слушайся бабушку. Не успеешь оглянуться, уже и весна, а там мы тебя с папой заберем. Братика поцелуй. Вот он подрастет, и мне будет легче, с вами двумя...

До Леночки смысл слов доходил не вполне. Когда она, весна? Сколько дней ее ждать? И только когда мама села в вагон и помахала ей из окна рукой, Аленушка заплакала. Паровоз дал гудок, потянул вагоны и в минуту скрылся за поворотом линии. Пойдем на линию, говорили местные, имея в виду железную дорогу, до которой от их деревушки километр лесом. Никакой станции тут не было, а была только небольшая платформа, деревянный настил. Дорога однопутная, и пассажирский поезд из четырех вагонов проходит по ней один раз в сутки, да порой неспешно тащат вагоны бревен грузовые составы. Москва отсюда далеко, и ехать надо с пересадками – хоть бы за сутки добрались, переживала бабушка.

И вот началось ожидание весны. Аленушка была девочка ласковая, послушная, все ее прилюбили, и она полюбила добрых своих бабушку и дедушку. Кормили ее молоком да творожком, щами да кашами, порой и пряник был к чаю, или карамелька.

– Кушай, расти, внученька, – приговаривала бабушка.

– Не скучай, внученька, вечером тебе книжку прочитаю, – говорил дедушка.

Читали они и «Репку», и «Морозко», и «Конька-горбунка»...

Целый день хлопотали взрослые по дому да по хозяйству, по огороду да картофелю, что спускался аж до самой бани, к бежавшей в низине небольшой речке. Двор был полон скотины: корова с телочкой, поросенок, десяток кур. Была и собака Жулька. На двор внучку не пускали: измажешься, гуляй на лужку.

Чем занималась Аленушка? Трудно ей теперь вспомнить, чем. Крутилась возле бабушки, в основном. Или рисовала картинки. У нее были цветные карандаши, которые порой приходилось и послушать, чтобы краски были ярче. Рисовала она в основном кукол, красавиц всяких.

Красавиц Аленушка видела в своей небольшой жизни много. Самая красивая – мама, с белым лицом, черными вьющимися волосами и большими карими глазами. Воспитательница в детсаду, любимая ее Ирина Матвеевна – тоже красавица: с пышными русыми волосами, собранными в копешку на голове, с синими глазами и белозубой улыбкой, в светлой блузке и черной юбке, или в красивом цветастом платье. Бабушка – старенькая красавица, со светлыми волосами, всегда укрытыми платочком, морщинистыми щечками и выцветшими голубыми глазками. И одета бабушка скромно: на худеньких плечах всегда блеклая кофточка, юбка – простая, сатиновая или ситцевая, темная, без узоров. Аленушка такие наряды не рисовала, а придумывала принцесс в длинных голубых, желтых или розовых платьях, с узкими талиями и пышными складками, как в книжке про Золушку и ее сестриц.

Однажды ей захотелось нарисовать Весну.

– А какая она, Весна? – допытывалась Аленушка у бабушки, сидевшей на сундуке у теплой печки и штопавшей сухое белье после стирки.

– Весна – красна, – говорила бабушка и улыбалась.

– Она на кого похожа? – не отставала Аленушка.

– Ни на кого не похожа, сама на себя. Ну как тебе объяснить? Она придет, и все цветочки зацветут, небо станет синее, птички запоют... Тут и мама твоя придет. А мы ей тебя не отдадим! Нам больно хорошо с тобой!

Аленушка пугалась: неужели не отдадут? Но сама себя успокаивала: что ж, ей и тут можно жить. Она уже привыкла к избе, вот только ходить на улицу в уборную прохладно, и ей разрешают делать свои дела в чулане, где стоит особое ведро. Тут ее все любят, никому она не мешает... И тут есть Мурка, у которой котенок.

Осень прошла быстро, и выпал снег. Деревенские ребята звали Аленушку кататься на санках с горки, а однажды дедушка прокатил ее на санях. Коня он брал у совхозного конюха, чтобы привезти дров из лесу. Сам он и верхом на этом коне ездил, осенью – дедушка в свои шестьдесят лет был ловкий и молодежавый. Коричневой масти конь по кличке Гнедко стоял у изгороди и жевал сено, охапкой брошенное на снег к его ногам, а сам косил глазом на Аленушку, и та никак не осмеливалась обойти сани и подобраться поближе, чтобы потрогать его черную гриву.

– Не ходи рядом, зашибет, – предупредил дедушка.

Девочка тогда присела у завалинки на корточки, удивленно разглядывая устройство коня внизу, а дедушка недовольно гаркнул, то ли на нее, то ли на Гнедка, и Аленушка сразу убежала в дом.

...Самое любимое дело Аленушки зимой было – разглядывать морозные узоры на заиндевелых окошках. Сказочные завитушки, снежные цветы, белые перья диковинных птиц и серебряные травы – чего только она не видела в этих узорах! И садилась она рисовать. Ей и краски купили, и альбомы новые.

– Рисуй, внученька, – ласково говорили ей и дед, и бабушка, – художница ты наша. В Москве будешь учиться, таланты свои развивать. Прославишь нас.

Аленушка очень хотела стать художницей.

Рано-рано, еще затемно, вставала бабушка топить печь, чтобы жилым духом запахло в выстывшей за ночь избе. Ставила чугуны с водой, картошкой, чугунок с пшенной кашей, вкуснее которой ничего девочка не пробовала – золотистой каши, упревшей в чугунке в русской печи!

День помаленьку прибавлялся, солнышко становилось ярче, а лучи его теплее... Снег начал таять на пригорках, а потом и в низинках.

– Весна! – восклицала бабушка.

– Пришла? – замирая, спрашивала Аленушка. – Мама с папой скоро придут за мной?

– Ну, они придут к лету, когда весна уже пройдет. Когда весна с нами попрощается, с летом повстречается. Когда будет тепло и сухо. Мама с папой твои будут в отпуске, в деревне погостят, ягод дождутся, потом и уедете все вместе от нас, – грустно отзывалась бабушка.

Хлопоча по дому, бабушка пела негромко своим тонким, дребезжащим голоском:

– Ты гуляй, гуляй, мой конь,

Пока не споймаю,

Как споймаю – зануздаю

Шелковой уздою!

Эту песню дедушка очень любил. А порой включали приемник, ставили грампластинку, и незнакомая женщина пела бархатным, сильным голосом:

– Поедем, красотка, кататься, Давно я тебя поджидал!..

Аленушка садилась за стол рисовать Весну. Однажды у нее получился необыкновенной красоты рисунок. Весна была молодая девушка, в зеленом с красными цветочками сарафане, в белой блузке с пышными рукавами. Лицо у нее было овальное, глаза круглые черные, ротик алый с улыбочкой. Нос плохо получился, Аленушка всегда мучилась с носами. Поэтому нарисовала только острый кончик носа и две точки в нем. Больше всего Аленушка любила рисовать

волосы своих кукол. Ее Весна получила роскошные волосы – длинные, кудрявые, золотистые. Весна красна, шептала Аленушка, нанося последние штрихи и любясь своей красавицей.

Показала рисунок бабушке, та радостно захохотала: ай да молодец, внученька, весна-то как живая! Смотри, рыжая какая! Как наша Глашка, соседка!

Действительно, рыжих больше в деревне не было. Были седые старухи, русоволосые бабы, чернявые цыганочки встречались. И все женщины в деревне ходили в косынках и платочках, волосы свои прятали. Никто развязкой не бегал, кроме девчонок.

Бабушка иногда на сон грядущий пугала Аленушку, рассказывая ей сказки про колдунов всяких. Дедушка ругал ее за это, а она отшучивалась: я уже все сказки переговорила, иди сам усыпляй!

Однажды она заспорила с дедом: Лушка-то колдунья, сам знаешь!

Дом дедушки стоял на одном краю деревни, а Лушка, горбатая старуха, жила на другом краю, у оврага. Говорили, что она молоко у коров отнимает, скот из-за нее дохнет. Аленушка боялась Лушки и никогда не ходила к ее избе. Она вообще не ходила далеко от дома, иногда сидела на лавочке возле избы соседней, у которых была дочь десяти лет, тоже любившая играть в куклы. Глашка давала им по яблочку, а муж ее, вечно пьяный тракторист Петруха, не обращал на них никакого внимания, на дочь Верку порой прикрикивал строго, и Аленушка его побаивалась. Тетя Глаша добрее. Она и красивая, ладная, как говорят в деревне, но грустная всегда. И почему-то бабушка не дружит с ней, и сама Глашка бабушке на глаза старается не показываться. Вот когда дедушку во дворе увидит – сразу веселеет: начнет его похваливать, от дел отвлекать. А у дедушки дел много: то косу отбить, то дров наколоть, то воды с колодца нанести, то пчелами заняться. Все бабы в деревне им любят, все завидуют, как они с бабушкой дружно живут столько лет. Это бабушка однажды сказала, когда косички Аленушке утром заплетала.

И Аленушка вспоминала о маме, начинала волноваться: скоро ли за ней приедет, и как там братик? Папа писал в деревню письма, всегда одинаковые: у нас все в порядке, малыш растет, не скучайте, оставайтесь живы и здоровы, не балуйте Аленку, ждем весну.

– Я думаю, Весна – это волшебница, – говорила Аленка бабушке. – Пришла, и черемуха вдруг зацвела... Где же она прячется от людей, Весна? Как она по земле ходит? Или она летает?

Ничего не говорила в ответ бабушка, только гладила голову своей внученьки теплой морщинистой рукой, пахнувшей репейным маслом.

***

В то утро Аленушка проснулась рано-рано, слышала, как бабушка начинала лучиной растапливать печку, а дедушка ушел на огород нарвать мокрицы поросенку. Пошла Аленка босая в чулан, а потом залезла на лавку на веранде и стала смотреть в оконце. Вдруг увидит Весну?

И вдруг... увидела! Расширенными от волнения глазами смотрела она, как выплывает из предутреннего легкого тумана в дальнем краю соседского огорода Весна, в белом платье до пят, похожем на ночную рубашку с короткими рукавами, плывет над травой, словно ступает по верху ее, по соцветиям, а сама белолицая, и волосы у нее пышные, рыжие, волнистые, по плечам рассыпались! Весна идет плавно, но быстро, вот вытянула вперед руки и пропала у реки, за баней. Пришла! Лето встречать!

Спрыгнула Аленка с лавки и побежала в избу, скорее к бабушке:

– Бабушка! Весна пришла! Я ее видела! Сама видела, сейчас!

– Приснилось тебе? Где видела, милая?

– Сейчас! В окно видела! Она за баню нашу спряталась! – торопясь, сбиваясь, задыхаясь от восторга, от небывалой радости своей, шептала Аленушка, и бабушка быстро повязала платочек, побежала к речке, смотреть, куда пришла Весна...

Этот день был очень грустный у Аленушки. Ничего она не поняла. Бабушка тайком плакала, дедушка ходил хмурый, с багровыми щеками, будто заболел, а еще и сосед побил Глашку, так, что долго она ходила с синяком на лице...

А Весна и в самом деле приходила попрощаться. На следующий день наступило Лето.

Ледяные ножки

Немолода Алексеевна, но пока мама у нее жива – все она не старая, все доченька, а порой мать возьмется еще учить ее и отчитывать, как девчонку. Не обижается дочка, понимает, что это все от любви к ней и тревоги за нее. Разлука впереди долгая... ох, долгая...

Все знает о своей матери Алексеевна – вместе ведь на белом свете живут, все повадки ведомы, все события сто раз прокручены в разговорах, все взгляды устоялись и даже закоснели. Дочь знает, что мать умная, но порой непонимающая. Мать знает, что дочь ученая, но порой неумная. И не всегда понятливая! бестолковая даже бывает! и настырная!

– Вот помру, делай все по-своему. Я уже не увижу. Мне будет все равно, там, под травой в земле сырой. А пока я жива, прислушалась бы к материным словам...

– Живи сто лет, храни тебя Бог, мамуля... только молодые теперь чаще старых помирают. Да и слушаюсь я тебя. Наизусть знаю, мамочка, все твои песенки. Не делай то, делай это... Как ты не поймешь, что наше поколение в других реалиях живет.

– Ну да уж, в других... Просто распустились, теперь всюду разврат и леность!

– А что, раньше разврата не было?

– Ну не такой, как сейчас! Сейчас все в греху и распушенности... раньше хоть любовь была!

И начнет мать ворочаться на постели, вздыхая и растирая горящие огнем ножки свои, худенькие, все в синих прожилочках.

– Ноги мои, ноги! что ж вы меня подводите! огнем горите!

Трогает Алексеевна мамину ступню – а ступня холодная совсем, ледяная.

– Да ты озябла! Мамуля, надень носки шерстяные и спи в них всю ночь!

– Не надо, дочка, не согреют. Остыли мои ноги...

– Типун тебе на язык. Поживешь еще...

– А куда ж деваться. Тебя-то надо поучить уму, бестолковую... кровинку мою...

И улыбнется мать. И гаснет свет, и долго обе не спят, слушают вздохи друг друга...

В этот поздний вечер особенно долго не засыпалось старушке матери.

– Мама, что не спишь? о чем думаешь?

– Обо всем. Жизнь как один миг пролетела... а ведь девятый десяток мне. Свекровь уже пережила. Та в восемьдесят ушла.

– Да, а дедушка еще пожил... поплакал по ней... теперь рядом лежат. Вот была любовь!

И вспомнит Алексеевна своих добрых, кротких бабушку и дедушку, друг с другом всегда ласковых, внуков своих любящих до беспамятства – а их у них почти два десятка было, детей – семеро... Никогда бабушка с дедом не спорила, уважала его, обслуживала-обихаживала без ворчания, всегда называла: дедок мой...

Как он рыдал на похоронах! «Голубушка моя верная! женушка моя родная!...»

И щемило у Алексеевны сердце от этих детских воспоминаний.

Всегда молчала мать и поддакивала, вздыхала и поминала их, крестясь и шепча молитвы за упокой их добрых душ.

Но в ту ночь как нашло что-то на нее. Прощается, что ли, думала потом Алексеевна. Исповедуется? Решила все тайны открыть? И тоскливо ей делалось от таких мыслей...

– Любовь, любовь... как голубки жили... А все-таки изменял свекор свекрови! дедушка твой!

– Да ты что?! Не верю! Мама, не выдумывай напраслины, это грех...

– Взрослая ты теперь, можно и рассказать. Бабушка твоя сама мне все поведала.

– Как это? Когда? Перед смертью?

– Нет... когда с сыном ее я поругалась и разводиться хотела, с отцом твоим...

– Ну, расскажи. Если тебе это нужно.

– А тебе не нужно?

– Не знаю... я как любила их обоих, так и буду любить вечно. Да и не верю я.

Мать повздыхала, но уж, видно, зацепила дочка ее своим неверием, и она продолжила.

– Было дело после войны уже. Поехали старики из деревни своей в столицу, проведать детей старшего сына, с войны который не пришел. Мать их умерла, растила их бабушка, сватья то есть старикам. Моложавая, да и им-то всего под пятьдесят тогда. А сватья красавица была – бабушка твоя говорила, что такой красоты не видела.

– Так бабушка у нас сама красавица! Неужто лучше нее?

– Лучше не лучше, а городская, столичная, модная, накрашиваться умела, фигура складная. Бабушка-то худенькая была.

– И что дальше? К чему это все?

– А к тому! Одинокая она была, овдовела давно. Вот на деда нашего глаз и положила, даром что сват.

– И что? Знаю я про эту поездку, одну ночь они в Москве ночевали всего! У внуков!

– Вот эта ночь-то и была памятная, роковая.

Алексеевна слушала с замиранием сердца. Слово ее взяли за руку и силой тащили в запретную волнующую тайну. Сама она была натура страстная и влюбчивая, и предчувствовала тут страсти небывалые... и много выдумки! Образы высокой худенькой бабушки и статного круглолицего деда ожили перед глазами.

– Дедушка-то очень хорош был собой, на него и в старости заглядывались. Видно, бес попутал, – продолжила мать, словно вглядываясь в полумрак своей уходящей жизни и промелькнувшей мигом молодости.

...Уложила гостей сватья в одной комнате, внуков в другой, а сама в третьей осталась. Спокойной ночи сватам пожелала, после угощения с вином. И вышла, глянув на них печально и завистливо. Среди ночи услышала бабушка сквозь сон тихий шепот. Глаза приоткрыла: стоит рядом с дедом сватья и за руку его тянет с постели. И увела из комнаты. Не поймет бабушка, что случилось. А в квартире тихо. Внуки молчат, спят. Ни звука. Время идет...

И вдруг встала бабушка, свекровь моя, тихонько и пошла босиком в коридор. Все слышала, что там у сватьи за закрытой дверью было, все поняла. Постояла на холодном полу, но дверь не толкнула, вернулась в свою кровать и легла, лежит и плачет тихонько, без всхлипов. Семерых детей ему родила... В семнадцать лет женился... мол, спасу от любви нет... любил... а она-то как его любила!

Вернулся муж и лег рядом молча. Но понял, что бабушка не спит. Спрашивает:

– Что не спишь?

– Да сон плохой приснился...

– Какой?

– Тебя я потеряла... в лесу... заблудилась и выход не найду.

Помолчал дед. И вдруг согнулся, схватил горячей рукой под одеялом ее ступню. А ножка-то – ледяная... Все он сразу понял. Уехали наутро, и больше не ездил он к сватье. Внуки подросли – сами приезжали проведать. Вот так-то, а ты думала, не изменял...

И еще было... Показывали бабушке, потом уже, ребенка в деревне, баба одна вдова неизвестно от кого принесла. А ребенок-то, говорят, вылитый твой Иван... Бабушка день выбрала, пошла на другой конец деревни, увидела этого мальчишку вблизи... вылитый... Ничего деду не сказала, и он ей тоже никогда не говорил о сыне нагулянном. И никто не знает этого, кроме меня. Обе мы с ней плакали тогда, и об отце твоём тоже...

Молчала Алексеевна. Потрясение великое испытала. Могла бы мама унести тайну с собой... открыла. И хорошо, что рассказала. Любовь-то никуда не делась. Понимание при-

шло... Что жизнь – штука сложная. Все не объяснишь в ней, не разложишь по полкам: плохое, хорошее... верность, неверность... Вместе они, рядом лежат, и для внуков – навеки святы.

Экзамен

– Нет, не могу. Нельзя быть такой... безответственной... Хотя проблема в другом... Что у вас с речью? Что у вас с памятью? – и холодный взгляд голубых глаз Веры Павловны вонзился прямо в зрачки экзаменуемой, которые от ужаса расширились. – Ступайте. Только неуд. Пересдача в феврале.

Первокурсница молча встала, отворачивая в сторону лицо, на котором задрожали и запрыгали губы, подавила рыдание и, забрав со стола зачетку, вышла в коридор. Она сдавала экзамен последняя из группы, пропускающая и пропускающая вперед смелых, перед обшарпанной белой дверью аудитории судорожно листая свою тетрадку конспектов. Поэтому, когда все кончилось, в коридоре никого уже не было. На ее счастье. Зареванная, она еще постояла в раздевалке, потом вышла на улицу и побрела к трамвайной остановке, чтобы поехать в общежитие.

– «Манифест Коммунистической партии» – работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в которой авторы декларируют и обосновывают цели... написана в 1848 году... в чем принципы... основные тезисы...

В голове у девушки по-прежнему крутились обрывки фраз, которые она не могла произнести перед доцентом Фроловой. Почему, почему она так боялась эту сорокалетнюю Веру Павловну? Как кролик удава! Почему цепенела под ее взглядом и ни на одном семинаре не заговорила членораздельно? Она, отличница средней школы, выпускница с почетной грамотой, любимица пожилой учительницы литературы? всегда просившей ее прочесть перед всем классом свое сочинение – образец правильной речи и правильной мысли...

Горькие это были слезы, жгучие, стыдные. Слезы полного отчаяния. Позор, провал перед одноклассниками, которые на днях соберутся на первый вечер встречи... Убийственная новость для мамы: дочка осталась без стипендии, на что ее кормить в чужом городе? А какая радостная новость для всех троечников, не поступивших в вузы: завалила! отличница липовая! Она ведь не сдаст и с третьей попытки, и с десятой. Ну не может она, не умеет говорить такие фразы, такие слова: оппортунисты, ревизионизм... ужас!!!

Подождал ее трамвай, полупустой к вечеру. В скрипучем, дребезжащем трамвае невыносимо разболелась голова. В ней промелькнула отчаянная мысль: зачем жить? как жить? броситься на рельсы – и дело с концом... все будут жалеть ее и простят ей этот злополучный неуд, первый в жизни...

Люда не пошла на вечер встречи одноклассников. Неделю она провалялась на диване, вся в слезах и соплях, с конспектами и порывевшим от старости учебником истории КПСС. Ко дню пересдачи она выучила абзац первой страницы. Остальное прошелестело в ее голове, не оставив следа.

В назначенный день Люда пришла на пересдачу. Таких было только двое: она и Пашка из другой группы первокурсников. Который без интереса посмотрел на бледную напарницу – у него уже было несколько подружек, факультет-то девчоночий. И Пашка не волновался. Он вошел и через три минуты вышел, подмигнув Людмиле. Значит, сдал. Люда тащила билет. Поднесла его к носу и поняла, что не видит слов. Не видит вопросов. Внутри словно что-то замкнуло. Она молчала. Вера Павловна вздохнула и устало спросила:

– Ты комсомолкой была? Как же тебя приняли?

И молча протянула ей зачетку с отметкой «удовл.»

Люда прошептала: спасибо. И на ватных ногах вышла в коридор. Ей было невыносимо стыдно. Она была недостойна комсомола. И главное, она абсолютная дурочка, беспросветно тупая. Как жить?

«Удовл.» не радовал, пережитые позор и унижение не позволяли торопиться в общежитие, на глаза соседок по комнате. И Люда, доехав до центра города, пошла на набережную.

Там, она знала, можно побыть в одиночестве и поплакать вдали от чужих глаз и ушей. Она выбрала скамеечку в конце набережной, где было безлюдно, присела на нее и, обхватив голову руками, тихонько заплакала. Она плакала, сморкалась в свой розовый с цветочками платок и чувствовала свое полное одиночество и никчемность. Мысль, что она, семнадцатилетняя, чуть не кинулась под трамвай, леденила ее сердце. Неужели когда-нибудь пройдет эта «История КПСС»? Говорят, на следующем курсе ее уже не будет...

– Ну и что? Что вы тут рыдаете? Плюньте! – раздался вдруг рядом дребезжащий старческий голос. Люда оглянулась. За ее спиной стоял высокий худой старик. Он хотел было присесть рядом, но передумал. – И не сидите тут долго! Февраль, холодно же! Скамейка ледяная!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.